

СТАРАЯ
ДОБРАЯ...
Англия

Эмили
Хильда Янг

МИСС МОУЛ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Я60

Emily Hilda Young
MISS MOLE

Перевод с английского Марии Валеевой
Серийное оформление Екатерины Скворцовой
Оформление обложки и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой

Янг Э. Х.

Я60 Мисс Моул: роман / Эмили Хильда Янг; пер. с англ. М. Валеевой. — М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 448 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-26127-3

Ханна Моул, старая дева на пороге сорокалетия, служит компаньонкой в богатых домах, но нигде надолго не задерживается... Почему? Просто у Ханны есть склонность открыто высказывать свое мнение, а также своеобразное отношение к правде, ослиное упрямство и слишком изощренный склад ума. Впрочем, «неудобные» стороны ее натуры отчасти компенсируются неистребимым оптимизмом и способностью черпать радость и вдохновение в обыденной жизни. Но когда Ханна возвращается в родной городок Рэдстоу и устраивается на скучную должность экономки в доме напыщенного вдовца-священника, она сталкивается с ситуацией, в которой ее уникальные способности будут не просто оценены по достоинству, но и совершенно незаменимы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-26127-3

© М. А. Валеева, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Глава 1

Голос новой подруги, желающий спокойной ночи, последовал за Ханной Моул по садовой дорожке, и лавровые кусты, которые она задела, проходя мимо, повторяли шепотом, но со странной убежденностью настоятельное приглашение миссис Гибсон навестить ее как можно скорее.

— Да-да, я приду! — торопливо крикнула Ханна и, обернувшись через плечо, увидела, как золотой прямоугольник на дорожке исчез: миссис Гибсон закрыла входную дверь и вернулась к проблемам, которых никогда не должно было возникнуть в ее респектабельном доме. Теперь Ханна, освобожденная от необходимости помогать, выражать сочувствие и давать советы, смогла наконец восхититься собственными умениями, которые проявила в этом деле. Но в первую очередь, будучи от природы человеком благодарным, хотя и высоко себя ценившим, она вознесла горячую благодарность за своевременное оправдание ее веры в непреложную увлекательность жизни. Эта вера была стойкой, но в последнее время приходилось прикладывать усилия, чтобы такой она и оставалась, однако в тот самый момент, когда Ханна больше всего нуждалась в ободрении, поддержка пришла. Мисс Моул, конечно, не

собиралась принижать похвальную быстроту, с которой ухватилась за представившуюся возможность; в самом деле: чудеса случаются для тех, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. И кому как не Ханне Моул хватило бы ума после столкновения с пышной грудью миссис Гибсон и принесенных извинений слегка задержаться, чтобы дать той прийти в себя, отдышаться и объяснить наконец, почему она стоит за калиткой с непокрытой головой и в расстроенных чувствах.

Теперь Ханна была на том же самом месте, так же слегка запыхавшись от волнения и попытки примирить свою удачу с мелким обманом работодателя, на которой пришлось пойти. Попытка не увенчалась успехом, и мисс Моул еще больше утвердилась в том, что ее жизнь не подчиняется общепринятой людской морали: иначе Ханну наверняка наказали бы, а не вознаградили за ложь, которая побудила миссис Виддоуз отправить компаньонку за покупками в тот час, когда предполагалось, что она будет починять лучшее после парадного черное платье почтенной вдовы. Да уж, Ханна должна была попасть под машину или, что еще хуже, подвергнуться нападению грабителя и лишиться сумки в наказание за то, что спрятала катушку черных шелковых ниток и притворилась, будто не может ее найти.

В тесной маленькой гостиной миссис Виддоуз стояла невыносимая жара. Пылал и потрескивал огонь в камине; канарейка, сморенная духотой, вяло шевелилась в клетке; корсет миссис Виддоуз размеренно скрипел, а ее костлявое левое колено почти касалось правого колена компаньонки, поскольку женщины сидели рядом, деля свет одной лампы,

и тут Ханна, у которой мозгов было побольше, чем у канарейки, придумала способ спастись. Умудренная опытом, она не стала прямо предлагать сходить за шелковыми нитками, а лишь с сожалением заметила, что миссис Виддоуз не сможет завтра надеть свое второе приличное платье, после чего та тотчас же с негодованием погнала Ханну в магазин с указанием обернуться немедленно. Однако прошло почти два часа, а нитки по-прежнему оставались в магазине. Впрочем, мисс Моул не волновалась, ведь катушка, которую она тайком извлекла из рабочей корзинки, лежала в кармане ее пальто, так что она обогатилась на два с половиной пенса и целое приключение. Но течение времени — дело серьезное, серьезное настолько, что лишние час или два погоды не сделают. Она посмотрела в один конец улицы, потом в другой и, хотя, по видимости, колебалась между долгом и желанием, свой выбор уже сделала: она отправится напрямик к уличной суетоке и магазинам. При свете фонаря Ханна взглянула на старомодный хронометр-луковицу, который носила в сумочке. Шесть часов; большинство магазинов наверняка закрылись, но впереди ждут яркие огни и суета, полные пассажиров шумные трамваи, которые рывком срываются с места, как удивительные звери, радующиеся своей силе, и пешеходы, идущие домой из Рэдстоу. И мисс Ханна Моул, у которой нет своего дома, будет смотреть на них с завистью, но и с циничной мыслью, что некоторые из жилищ могут оказаться не менее душными и недобрыми, чем обитель миссис Виддоуз, или в них, как в доме, который она только что покинула, разыгрываются трагедии, приправленные черным юмором.

Ханна почти двадцать лет зарабатывала на жизнь трудом компаньонки, гувернантки и помощницы по дому и за это время утратила практически все иллюзии, кроме тех, которые создавала для себя сама; они подчинялись ее воле, и сейчас, взбудораженная недавним приключением, Ханна готова была сотворить очередную иллюзию с приближением каждого встречного. Однако прохожих на Принсес-роуд было немного, да и эти немногие неспешно прогуливались, словно старые особняки с террасами по одной стороне улицы влияли на них сильнее, чем здания более поздней постройки по другой стороне. Именно старинные дома придавали характер улице, и здесь, как и везде в Верхнем Рэдстоу, бережно сохранялась узнаваемая индивидуальность места, не тронутого никакими материальными и духовными сдвигами с тех самых пор, как первые красные кирпичи были надежно уложены в кладку. Район напоминал шедевр портретной живописи, с полотна которого человек минувшего поколения взирает на потомков свысока и властвует над ними через соединение мастерства живописца и собственной неизменности. Даже там, где старые дома исчезли, их призраки, казалось, витали над улицей, и Ханна тоже шла неспешно, стараясь их не потревожить. Ни в одном из мест, с которыми она была знакома, деревья не отбрасывали в свете фонарей таких красивых теней, как в Рэдстоу, и в этот безветренный вечер узорчатые листья отпечатывались на мостовой с необычайной, почти сверхъестественной четкостью. Время от времени Ханна останавливалась, чтобы рассмотреть их тени, озадаченная вопросом, почему отраженный предмет всегда кажется

красивее оригинала, и стремясь найти аналогию этому опыту в мыслительном процессе.

— Не сама вещь, а ее тень, — пробормотала она, глядя на свой вытянутый силуэт, шагающий впереди, и кивнула, будто разрешила какую-то загадку. Мисс Моул судила себя по той тени, которую сама, для своего же удовольствия, выбирала отбрасывать, и делом ее жизни было заставить других поверить в эту проекцию. Однако она потерпела поражение, всецелое и сокрушительное. Никто не хотел смотреть на прекрасную драгоценную Ханну Моул, все видели лишь оригинал и не одобряли его, и Ханна их не винила: она и сама поступила бы точно так же. В тот единственный раз, когда она сосредоточилась на представленной ей прекрасной тени человека, а не на его сущности, ее ждало горькое разочарование.

Отбросив неприятную мысль, мисс Моул ускорила шаг и вышла на широкую магистраль, где со звоном катились трамваи. Тут она остановилась и огляделась. Эта часть города недавней постройки не особо ей нравилась, но осенним вечером даже здесь было прекрасно. Широкое пространство, образованное слиянием нескольких дорог, со всех сторон обрамляли деревья, которые в Рэдстоу росли повсюду, — как и шпили церквей, возносящиеся к небу, они, похоже, были на каждом углу, — а электрические фонари на высоких столбах отбрасывали театральные блики на зеленую, багряную и желтую листву. По левую руку от Ханны в зарослях кустарника пряталось здание в дурном греческом стиле, куда музы время от времени влекли жителей Рэдстоу для не слишком искреннего поклонения.

Темнота, в которой оно укрывалось, внезапно взрезанная фарами проезжающего автомобиля, мягко скрадывала недостатки и придавала бледному фасаду с колоннами таинственность, а удаление от дороги обещало некий намек на чувствительность и отчужденность. Когда Ханна проходила мимо этого храма искусств днем, ее длинный нос дергался в насмешке над фальшивой строгостью портика и порыжелыми лавровыми кустами, которые должны были подчеркнуть важность здания в эстетической жизни Рэдстоу (интересно, когда садовник выбирал лавры, его интересовала только их выносливость?), но в полумраке оно привлекало искусственным очарованием; к тому же можно было не обращать внимания на афиши на ограждающих перилах и видеть лишь еще один пример способности города счастливо сочетать несочетаемое. Ханна стояла на тротуаре, худая и потрепанная, такая незначительная в старой шляпе и еще более старом пальто и настолько полно забывшаяся в наслаждении сценой, что вполне могла быть одета в плащ-невидимку; и пока она следила за быстрыми разноцветными трамваями, скользящими подобно картинкам в волшебном фонаре, никто из тех, кто все же заметил ее сквозь волшебный плащ, не заподозрил бы мисс Моул в способности превращать обычное в редкое и таким образом обуздывать беспокойные мысли. Впрочем, сегодня она не могла сдержать тревогу полностью, потому что, хоть и была довольна своим приключением и рассуждениями, в которые оно позволило погрузиться, по-прежнему альтруистически беспокоилась о других участниках драмы, да и саму ее ожидали очевидные последствия. Миссис

Виддоуз была не из тех, кого можно растрогать слезливыми признаниями и оправданиями, и Ханне в настоящий момент грозило остаться без места. Знакомый опыт, но в данном случае ее презрение к обстоятельствам было бы напускным. Быстро подсчитав в уме свои сбережения, она пожала плечами и свернула направо. Чашка кофе и булочка должны были придать ей сил перед встречей с хозяйкой, а за трапезой можно было еще раз притвориться, что ее внешность не соответствует содержимому кошелька и она просто одна из тех эксцентричных богатых леди, которым нравится выглядеть бедными. Притворяться Ханна умела и неустанно благодарила Бога, что самоуважение позволяет ей сопротивляться снисходительности и подчеркнутой доброте, ранящим гордые души; коварству, с которым она сталкивалась в юности со стороны мужчин, когда уступчивость и пренебрежение были в равной степени губительны для ее благополучия; издевательствам людей, неуверенных в своей власти, и бессердечию тех, кто видел в ней машину, которая приступает к работе по их приказу и не смеет остановиться без спросу. Независимость мисс Моул пережила все это, и Ханна знала — хоть не сожалела — о том, что твердое убеждение в своем человеческом достоинстве оказывается причиной ее бед чаще, чем любой из недостатков. Однако и от него бывала польза, когда она, к примеру, заказывала кофе с булочкой у молодых женщин, уважающих более нескромные аппетиты, так что она продолжила идти, сохраняя достоинство и наслаждаясь прогулкой. И хотя подобную улицу можно было найти в любом городе, Ханна знала, что таится в конце, поэтому

уговаривала себя как ребенка, который считает, что его обманули, пообещав сюрприз: уже недалеко, еще немного, до сюрприза рукой подать, — и когда она увидела долгожданную картину, то вознаградила себя долгим вздохом удовлетворения.

Она стояла на вершине крутого холма, с которого сбегали, хаотично теснясь, ряды магазинов и цепочки фонарей, чтобы встретиться внизу и затеряться в голубом тумане. На открытом пространстве, окутанном теперь дымкой, росли деревья; золотые и охристые ветви подсвечивали другие фонари, и хотя на таком расстоянии и в сгущающихся сумерках цвета было трудно различить, память Ханны усиливала зрение, и пейзаж представлялся ей расписной алтарной преградой¹ собора, темная башня которого виднелась вдали на фоне бледного по контрасту неба. Была ли эта перспектива столь же прекрасна для других, как и для нее, Ханна не знала, да это и не имело значения; чудо заключалось в том, что детские воспоминания ее не обманули. Впервые она стояла на этом месте тридцать лет назад, когда после дневного похода по магазинам они с родителями остановились на мгновение перед спуском на станцию, и огни, туман, деревья, глядящие сквозь таинственное море синевы, казались ей тогда не менее сказочными, чем теперь. Есть вещи непреходящие, сказала она себе и улыбнулась, вспомнив, как отец приписывал волшебную голубую дымку влаге, поднимающейся от реки, и как мать вздохнула по поводу предстоящего спуска с горы.

¹ Перегородка между нефом и алтарной частью храма. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Для маленькой Ханны (она рисовалась себе в нелепом платье и деревенских башмаках между кряжистым, как одна из его яблонь, отцом с одной стороны и румяной как яблочко мамой — с другой) это было путешествие, полное наслаждения, которое ничуть не уменьшилось, когда они спустились к самой лазури и, достигнув ее, потеряли, поскольку потом свернули за угол и оказались посреди суматохи, волнующей, как цирковое представление. Огромные разноцветные трамваи, любви к которым Ханна не утратила по сей день, собирались вокруг треугольной площадки, и когда одно из аккуратно управляемых чудовищ скользило прочь под звон колокольчика, рассыпая искры над крышей вагона, другое заступало на его место, а первое, удаляясь, становилось все меньше, набирая скорость и покачиваясь с боку на бок от удовольствия и осознания своей силы. Казалось, нет конца этим левиафанам с их ярко освещенными — в отличие от чрева кита Ионы, которому такое и не снилось, — внутренностями; и когда, подталкиваемая обоими родителями, девочка втиснулась в один из трамваев, не успев толком ими налюбоваться, то чуть не пропустила мачты и трубы кораблей, вырастающие, как казалось, прямо из улицы; и хотя позже она узнает, что река здесь течет по водопропускной системе шлюзов, вливаясь в доки, это знание, которое так многое портит, не лишит ни юную, ни зрелую Ханну повторяющегося как в первый раз изумления при виде чудесного зрелища.

С тех пор в городе многое переменилось. Крутая улица рычала ползущими на подъем и мурлыкала катящимися под гору автомобилями; на тротуарах стало больше

людей — откуда все они взялись? — спрашивала себя Ханна, думая о снижении рождаемости, но не возмущалась их присутствием. Толпа будоражила напоминанием о том, что у каждого отдельного человека есть право на существование, что жизнь других требует от них такого же полновластия, как и ее собственная, и что у них так же есть перед жизнью обязательства: мысль, заставляющая спуститься с высот гордыни, но и благотворная. Ханна вовсе не считала, что ее жизнь скупа на удовольствия или что они усиливаются, если наслаждаться ими тайком. Она чуть было не взмахнула рукой посреди улицы, как бы приглашая всех незнакомцев разделить с ней красоту, раскинувшуюся внизу, но голод снова дал о себе знать, и она с сожалением преодолела оставшиеся несколько шагов и вошла в чайную.

Глава 2

В этот час, когда до ужина было еще далеко, а время вечернего чая миновало, заведение оказалось полупустым, и леди, которая сидела напротив входа и вздрогнула при виде вошедшей, сумела подавить первоначальный испуг и смириться с тем, что разыграть неузнавание не получится. Она опустила нож и вилку, пока Ханна, в свою очередь, приближалась с наигранным воодушевлением.

— Лилия! Какое счастье! — громко воскликнула мисс Моул, а затем удовлетворенно хихикнула, пока ее глаза неопределенного цвета — то ли светло-карие, то ли зеленые, а может, и серые — обозревали видимую часть фигуры сидящей за столом дамы. — Ты все такая же! — промурлыкала она, и уголки ее большого рта приподнялись в дружелюбной улыбке. — Если бы я попыталась нарисовать в мыслях, как ты будешь выглядеть, случись нам встретиться, — хотя, по правде говоря, я давно о тебе не вспоминала, — в моем воображении ты выглядела бы именно так. И шляпка у тебя определенно осенняя, но не унылая...

— Ради бога, присядь, Ханна, и говори потише. Что вообще ты здесь делаешь?

Мисс Моул села, а на стул, занятый элегантной сумочкой миссис Спенсер-Смит с личной монограммой, поставила свою, потрепанную, чтобы разница стала очевидна, отчего Лилия раздраженно дернула подбородком; однако, когда Ханна подняла глаза, в их выражении не было ни тени зависти.

— А пальто! — продолжила она. — Ну не чудо ли, как твоему портному удалось скрыть горбик на шее, который с возрастом вырастает у многих. Впрочем, может, у тебя его и нет. В любом случае выглядишь чудесно, и я очень рада тебя видеть.

Миссис Спенсер-Смит моргнула, отмечая сомнительный комплимент, и заметила:

— Я считала, что ты обретаешься где-нибудь в Брэдфорде или таком же затрапезном городишке.

— Уже много лет как нет, — сказала Ханна и заглянула в тарелку Лилии. — Что ты ешь? И почему здесь? Подхватила привычку питаться в ресторанах или у тебя нет кухарки?

— Моя кухарка бесменно служит мне больше десяти лет, — высокомерно ответила миссис Спенсер-Смит.

— Что делает ей честь, — заметила мисс Моул, подзывая официантку и заказывая кофе и булочку. — Спроси при случае, как ей это удастся.

— Она удовлетворяет требованиям, — так же высокомерно ответила ее собеседница.

— И, уверена, выполняет их, — вздохнула Ханна. — С другой стороны, не укачало на качелях — стошнит на каруселях, и я предпочту мой опыт ее характеру. В конце

концов, что ей с ним делать, кроме как смириться? А ответственность, должно быть, огромная. Золотой характер хуже жемчуга, ведь тот, по крайней мере, можно заложить.

— Напротив... — начала миссис Спенсер-Смит, но мисс Моул остановила ее, выставив ладонь:

— Я знаю. Мне известны все моральные максимы. Говорить легко. И опять же, не все работодатели подобны тебе, Лилия. Кстати, кофе пахнет чудесно, но увы, булочка слишком мала! Да, твои слуги всегда сыты, не сомневаюсь, а уж спальни у них просто безупречны. Ты бы видела ту, что я сейчас занимаю: в полуподвале, среди мокриц. А слуга спит на чердаке, подальше от любвеобильных полисменов. И не нужно встревоженно хмуриться, Лилия. Моей жизни ничто не угрожает. — Она откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. — Зато я слышу корабли. Слышу, как они гудят, поднимаясь вверх по реке. Знаешь, что такое ностальгия? Именно это я испытывала в том, как ты выразилась, заштатном городишке. Поэтому я потратила часть кровно заработанных...

— Не кричи, — взмолилась миссис Спенсер-Смит.

— Да какая разница. С твоей всем известной склонностью к благотворительности меня просто примут за одну из твоих приживалок — и честно предупреждаю, что могу ею стать. Я пожертвовала немало средств на неконформистские религиозные еженедельники и чуть не подорвала собственную репутацию, демонстративно читая их. Но меня интересовал только раздел объявлений. Я хотела оказаться в Рэдстоу, а жители Рэдстоу извещают

о своих нуждах в религиозных еженедельниках. Я уцепилась за первое же предложение с крошечным жалованьем и, к сожалению, не застала цветения сирени и ракитника, зато поспела как раз к золотой осени, ведь так ты называешь эту пору, дорогая Лилия? Но, — печально добавила Ханна, — до следующей весны я не продержусь, а так хотелось ее увидеть. Потому что, боюсь, уже сегодня вечером меня опять уволят.

Миссис Спенсер-Смит снова нахмурилась, незаметно оглядела чайную и, к счастью не увидев никого из знакомых, резко прошипела:

— И ты сидишь здесь и поедаетшь пирожные!

Приподняв брови в веселом изумлении, Ханна взглянула на пустую тарелку с крошками от булочки.

— Я всегда была безрассудна, — пробормотала она и, чтобы перевести тему разговора с себя любимой, с преувеличенным энтузиазмом спросила: — А как Эрнест? Как дети? Я была бы рада их повидать.

— Дети в школе, — отрезала миссис Спенсер-Смит, немедленно пресекая надежды собеседницы. — У Эрнеста все хорошо, как обычно. Хотя он работает сверхурочно, — добавила она, разрываясь между гордостью за мужа и привычным неудовольствием. — А теперь, Ханна, давай вернемся к твоему непростому положению. Что случилось? И будь добра, отвечай правдиво, если ты на это способна. С кем ты проживаешь?

— С длинной тощей женщиной с накладными буклями вместо челки. Одевается она во все черное; предполагается, что как раз сейчас я чиню ее лучшее после выходного

платье. Даже исподнее у нее наглухо черное, от подмышек до колен. В память о покойном она носит черные бусы, и фотография почившего, увеличенная и раскрашенная, выставлена на мольберте в гостиной. Проживает вдова на Ченнинг-сквер под фамилией Виддоуз². Пророческой, можно сказать. Думаю, лишь поэтому супруг и рискнул жениться.

— Не будь вульгарна, Ханна. Шутки о браке — проявление дурного вкуса. Значит, миссис Виддоуз? Никогда о ней не слышала.

— Возможно, поэтому она так неприятна, — любезно заметила мисс Моул.

Блестящие, как у птички малиновки, карие глаза миссис Спенсер-Смит затуманились неодобрением. Она была неглупа, хоть и позволяла Ханне предполагать обратное, и сурово произнесла:

— Тебя послушать, так каждый твой работодатель вызывает только неприятие.

— Не каждый, — поспешно возразила мисс Моул, — но тех, кого я любила, я лишилась, и, увы, по собственной вине. Они были исключительными людьми! Но вот остальные... Ну естественно, а чего ты ожидала? У меня и должность, которую не знаешь, как назвать, к тому же возможно — маловероятно, но чем черт не шутит, — на свете есть люди, которые находят миссис Виддоуз приятнейшей особой.

— Ты не желаешь приспособливаться! — возмутилась миссис Спенсер-Смит. — То же самое было и в школе.

² Widow — вдова, вдовец (англ.).

Ты вечно бунтовала против власти. Но уж к настоящему времени должна была набраться ума! Допустим, уйдешь ты от миссис Виддоуз, и что собираешься делать дальше?

— Не знаю, — сказала мисс Моул, — но я точно собираюсь съесть еще одну булочку. У меня завалились в кармане лишние пара пенни и полупенсовик. Я их заработала ловкостью рук. Да, будьте любезны, еще одну булочку, они у вас чудесные, со смородиновой начинкой, пожалуйста. Врачи, — поведала она миссис Спенсер-Смит, — утверждают, будто смородина обладает питательными свойствами, а я в них нуждаюсь как никогда. Не знаю, что я буду делать дальше, но не слишком об этом беспокоюсь. У меня впереди целый месяц для построения планов; признаться, обожаю последний месяц перед расчетом. Я испытываю такую радость, такую свободу, и, в конце концов, бывали случаи, когда в итоге меня просили остаться. Счастье, — вздохнула она, и тон ее стал слегка масляным, — величайшая движущая сила, не так ли?

— Цыц! — цыкнула миссис Спенсер-Смит. — Уж на мне-то не испытывай свои приемчики. Я тебя слишком хорошо знаю.

Мисс Моул фыркнула.

— Допустим, но не в Рэдстоу. Я позаботилась о твоей репутации: ни одной живой душе не сказала, что мы родственницы. И даже не доставила тебе неудобства, сообщив, что нахожусь здесь. Признай, это целиком моя заслуга. Заяви я с порога, что я двоюродная племянница миссис Спенсер-Смит, эта драная черная кошка уж конечно

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЭМИЛИ ХИЛЬДА ЯНГ

МИСС МОУЛ

Руководитель проекта Антонина Галль

Ответственный редактор Светлана Лисина

Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий

Технический редактор Пётр Щёголев

Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.07.2024.

Формат издания 76 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 21,28. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филiaal ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-
Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

R-GLD-35107-01-R